
Филологические науки

УДК 82.091

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Крашенинникова Ольга Александровна,
кандидат филологических наук,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

**ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО 1732 ГОДА —
ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК
РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ XVIII в.**

Аннотация: «Подметное письмо 1732 года» — анонимный памфлет периода первых лет правления Анны Иоанновны, содержащий критику церковной политики Священного Синода и иностранного засилья в верховной власти. Для поиска автора этого сочинения Тайной канцелярией в течение 1732–1738 гг. велось длительное следствие, получившее в истории название «Решиловского дела». Детали следствия по архивным документам были в XIX в. изучены И. А. Чистовичем, однако сам текст «Письма...» долгое время считался утраченным. Список «Подметного письма» был уже в наши дни обнаружен петербургским искусствоведом С. О. Андросовым, однако вопрос об авторстве сочинения оставался открытым. Изучение текста «Письма...» и его политической программы убеждает в том, что оно было написано кем-то из круга идейных единомышленников Маркелла Радышевского — главного критика и оппонента Феофана Прокоповича в начале 1730-х гг. По нашему мнению, наиболее вероятной кандидатурой на его авторство является сподвижник Петра I, бывший директор петербургской типографии, а при Анне Иоанновне политический заключённый Михаил Петрович Аврамов (1681–1752). Сравнительный анализ показал несомненное стилистическое и содержательное сходство «Подметного письма 1732 года» с так называемой «Челобитной императрице Елизавете Петровне» 1749 г. и некоторыми другими сочинениями Аврамова. «Подметное письмо 1732 года» следует признать выдающимся памятником русской публицистики и одним из интереснейших источников для изучения идейной борьбы эпохи правления Анны Иоанновны.

Ключевые слова: Подметное письмо 1732 года, Решиловское дело, Михаил Аврамов, Маркелл Радышевский, Феофан Прокопович, Анна Иоанновна.

14 октября 1732 г. английский посланник при русском дворе Клавдий Рондо сообщал в донесении лорду Гаррингтону, что в большом вестибюле дворца

(«in the great hall of the court») были найдены возмутительные листки, «чрезвычайно непочтительно отзывающиеся о Ее Величестве и ее министрах» [5]. Вследствие этого ещё 11 августа был издан именной указ императрицы, предписывавший каждому, кто бы ни нашёл подобные листки на улице или где бы то ни было, сжигать их немедленно, не читая [12]. Начиная с августа 1732 г. следственная комиссия Тайной канцелярии в составе кабинет-министров А. И. Остермана и князя А. М. Черкасского, а также главы Тайной канцелярии генерал-аншефа А. И. Ушакова и архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича заседает ежедневно, допрашивая первых подозреваемых: живописца Ивана Никитина и его брата Романа, чудовского архимандрита Евфимия Колетти, архимандрита Ипатьевского монастыря Платона Малиновского, бывшего Казанского архиерея Сильвестра, архимандрита Заиконоспасского монастыря Софрония, архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского, директора Синодальной типографии Алексея Барсова, секретаря Александра Яковлева. История с подметным письмом всё более приобретает черты масштабного политического заговора. Следствие затянулось на долгие годы и не закончилось даже со смертью в 1736 г. главного заинтересованного в нём лица — Феофана Прокоповича. Реальный автор подметного письма так и не был найден, несмотря на то что Прокопович усмотрел главного виновника в составлении пасквиля в достаточно случайном и малозначительном лице — перешедшем из раскола в православие провинциальном иеромонахе Иосифе Решилове, бывшем подчинённом архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского. Все перипетии этого запутанного следственного дела, получившего в исторической литературе название «Решиловского», по архивным документам были подробно прослежены в XIX в. И. А. Чистовичем [16]. Однако Чистовичу не удалось в следственном деле обнаружить полный текст самого подметного письма. Он реконструировал его содержание по разбору, содержавшемуся в бумагах Феофана. «Очень жаль, — писал Чистович, — что это письмо не было приложено к следственному делу и поэтому не дошло до нас. Но зато сохранился судебный разбор его, составленный Феофаном, в трех статьях... Судя по указаниям этих статей, письмо было довольно большое; а пасквиль касался, кроме Феофана, и других высоких особ» [16, с. 19–20].

Однако подметное письмо 1732 г. всё-таки сохранилось. Честь его открытия принадлежит петербургскому искусствоведу С. О. Андросову, обнаружившему полный текст письма в конце 1990-х гг. в собрании Российского государственного исторического архива в Петербурге, когда исследователь занимался историей живописцев Ивана Никитина и его брата Романа, привлечённых к следственному делу 1732 г. [2, с. 123]. Нам также удалось познакомиться с этим списком и расшифровать его текст.

Список подметного письма, хранящийся в РГИА [6], представляет собой 10 с лишним страниц убористо написанного текста. Он имеет особую ценность потому, что является автографом самого Феофана Прокоповича, сделавшего с оригинала письма собственноручную копию. Этот список изобилует различными пометами и условными обозначениями, которые использовал в своей работе Феофан. Архиепископ Новгородский был негласным руководителем следственной группы

и сам составлял расспросные листы для проведения допросов. Пунктам допроса, по-видимому, и соответствовали цифры на полях письма. Особое внимание следует обратить на тот факт, что памфлет 1732 г. — это конволют из двух разных писем различной тематики, составленных, по-видимому, в разное время¹. Первое письмо представляет собой сатирико-обличительный выпад против Феофана Прокоповича и других еретиков-«феофанистов», во второй части помещено послание, адресованное императрице Анне Иоанновне. Первое письмо неоднородно по своему составу и включает вставные фрагменты: текст 10 антизаповедей и вымышленное письмо, написанное от лица папы Бенедикта XIII к своему «наимилшему сыну» Феофану Прокоповичу². В конце его, вероятно, самим Прокоповичем проставлена дата: «Из Москвы 29 мая 1732 года». Она может указывать на то, что письмо было прислано в конце мая 1732 г. из Москвы в Тайную разыскных дел канцелярию в Петербург, куда канцелярия переехала вместе с царским двором в январе 1732 г. Письмо могло быть прислано в Петербург главнокомандующим Москвы С. А. Салтыковым, который возглавлял московскую контору Тайной канцелярии. В конце второго письма дата не проставлена. По-видимому, именно оно и было найдено в вестибюле царского дворца в Петербурге летом 1732 г. В этом нас убеждает упоминавшееся письмо Клавдия Рондо. Как сообщал английский посланник, письмо непочтительно отзывалось о Её Величестве и её министрах — значит, скорее всего, во дворце было найдено именно второе письмо, адресованное императрице. Так как высочайший указ о сжигании подобных подметных писем был издан 11 августа, письмо вряд ли могло появиться во дворце ранее июля 1732 г. (так полагал и И. А. Чистович). Что касается первого письма, то оно в большей мере затрагивало личность самого Феофана и деятельность Синода³, и, получив его из Москвы в конце мая, он мог не торопиться с его расследованием, чтобы не привлекать внимания к содержащимся в нём обвинениям в еретизме. Феофан, составляя общую копию сразу двух писем, справедливо объединил эти письма в одно целое, увидев их тематическую и стилистическую близость. Вероятно, он не без основания полагал, что оба письма были написаны одним и тем же автором.

Первая часть памфлета начинается со стихотворного эпиграфа: «О мно(го) бедная Россия, плачися, рыдай горко, Царя и патриарха не имеешь времени колко...», в котором автор характеризует политическую ситуацию, сложившуюся в стране в начале 1730-х гг. После смерти Петра I, отменившего порядок престолонаследия по мужской линии, и после скоропостижной кончины 19 января 1730 г. его единственного прямого наследника Петра II Алексеевича Россия оказалась, по мнению автора письма, без законного царя. Отсутствие законной политической власти усугубилось отменой патриаршества, т. е. обезглавленной оказалась и церковь. Главная же причина бедственного состояния России, по мнению автора, заключалась в том,

¹ Это обстоятельство осталось незамеченным первым исследователем подметного письма С. О. Андросовым.

² Текст этого письма папы известен также по списку РГАДА, ф. XVIII, № 80, опубликован: [17, с. 409–410].

³ Хотя и в нём содержались серьёзные обвинения в адрес верховной власти.

что высшая часть духовенства отошла от православия: «...большая часть паче же от сигклита уже приняли немецкую веру», соединились с язычниками и еретиками и переняли их обычаи.

Не лучше вершушки духовенства были и «господа сенаторы», «мнимые христиане», которые «ратию вооружились на догматы святых постов, на предания и учительские книги наставлением, чрез многие доказы <...> от всея России проклятого человека или паче рещи диавола <...> епископа новгородского Феофана» (л. 20/1). Феофан, главный ересиарх в русской церкви, «сущой римлянин, оригеново велеречие, ненасыщенное брюхо, от сего соблазны и мятежи и вся злая прозябают» (л. 21/4), насеял и возрастил в церкви бесчисленное число ересей, которые день от дня «умножаются, возвышаются и укрепляются» и против которых никто не смеет протестовать.

Далее автор обращается к правлению Анны Иоанновны: «Мы надеяхомся, что государыня наша, дщерь святых родителей, дедовские и отеческие законы возобновит, еретические же новонанесенные прожнет. Но сие наше надеяние суетно, успевающее на горшая» (л. 22 об./6). Если при царях Федоре и Иоанне православные гнушались иноверцев как еретиков, то в правление Анны Иоанновны немцам принадлежала уже почти неограниченная политическая власть: «...новоявленных апостолов имеем господ немец. Силно тех предания всем государством завладели, и у которова дела оны еретики нами бедными безголовными сиротами не кумандруют! Не токмо в войске или в судных заседаниях, но и в малых работах, в огородах, в строениях, в присмотрех, во всяком месте начало надо всеми православными имеют немцы... Еще же ужаснейшее всего, со изливанием слез изреши, и церковь с(вя)тая, искупленная безценною кровию Сп(а)сителя нашего под кумандою у немец» (л. 22 об./6). Немцы завладели всем государством, проникли во все сословия, мало того, немец Бирон фактически управляет русским государством: «Ныне же без немец ни на единую минуту быть не могут, каков то есть потаенный господин Бирон». Автор предрекает, что всё уже готово, чтобы провозгласить еретика государем.

Попытаемся обозначить несколько ключевых мотивов подметного письма, помогающих реконструировать историческую концепцию автора. Согласно этой концепции:

Царь Иоанн V Алексеевич с царицей Прасковьей Федоровной признавались последними православными царями на Руси.

После смерти Иоанна Алексеевича, в нарушение вселенских соборных постановлений, был отменён действующий в Московском царстве запрет на общение с иноземцами-еретиками, и они начали вторгаться на правах хозяев во все сферы русской жизни.

Повреждение отеческой веры на Руси произошло впервые при Петре I, который под влиянием еретика Лефорта «отеческие свои законы поломал» и «улюбил люторскую веру». Этому способствовал развод царя с законной женой и брак с лютеранкой, убийство им родного сына и отмена патриаршества.

После упразднения патриаршества был создан Святейший Синод — нелегитимный орган управления русской церковью, власть в котором захватили иноземцы-еретики, т. е. малороссияне.

Члены Святейшего Синода ввели различные еретические новшества: отменили поминание восточных патриархов, ввели обливательное крещение, разрешили православным вступать в браки с иноверными, ввели в употребление табак и парики, отменили посты, запретили монашеские постриги, разрешили строить церкви со шпицами наподобие лютеранских кирх и писать иконы на полотне.

После принятия в 1722 г. латинского титула «император» (вместо византийского «царь») Пётр I мистическим образом предопределил свою преждевременную гибель и нечестивое «погребение» в гробе поверх земли. «Но и по смерти не сподобил Бог христиансково погребения, и с прелюбодейною супругою, от живой жены поятою [яко осужденники] повергнуты наверх земли, в посмех Божию повелению» (л. 24 об./10)⁴.

Анна Иоанновна — дочь последнего православного царя Иоанна, но легитимность её признавалась сомнительной, так как она была помазана на царство «неправильно, руками еретическими», т. е. руками еретика Феофана Прокоповича.

При Анне Иоанновне иноземцы уже полностью овладели русским государством, не только заправляли всеми внутренними делами, но и тайно готовили унию с лютеранством и венчание на царство иноземца-еретика.

Итак, основной лейтмотив первого письма — обличение еретических взглядов и предательской политики партии национальной измены (верхушки Синода и сенаторов) и тема иностранного засилья в государстве. Кончается же оно призывом «пострадать за веру», оказать духовное сопротивление врагам православия и отеческих преданий. Перед нами, по сути, пропагандистское сочинение, адресованное широким слоям духовенства и мирян, недовольных протестантским характером церковных реформ Петра и засильем немцев в управлении страной.

Тональность второго письма, адресованного императрице, несколько иная. Его главной целью являлось назидательное поучение в адрес Анны Иоанновны, полностью лишённое какого бы то ни было пиетета по отношению к верховной власти, сопровождавшееся разоблачительной критикой эпохи её правления. Богословская полемика здесь уступает место резкой социальной критике. На первый план выдвигаются экономические проблемы современной автору России, яркими красками рисуется бедственное положение народа и мелкопоместного дворянства. Автор обращается к эпохе Петра I, с указов которого и началось невиданное обнищание народа: «Помысли, государыня, дядя твой, государь (т. е. Петр I. — *О. К.*) положил какие тягости на люди божия [слушая прибыльчиков], не токмо на крестьянство, но и на шляхетство убогое... А крестьянство бедное [не знают праздника, ни дня воскресного, ниже прибегнут к церкви божией] всегда в работах, в наймах, в казаках, на правееже всеконечных фараонических тягостей. Каков поминок дяде твоему

⁴ Тело Петра I после его кончины было заключено в медный гроб и поставлено, вместе с гробом его дочери Натальи, в недостроенном Петропавловском соборе, внутри которого по проекту Д. Трезини была сделана временная деревянная церковь. Оба гроба были установлены там на катафалке под балдахином. В 1727 г. туда же был поставлен и гроб Екатерины I. Лишь в мае 1731 г. при императрице Анне Иоанновне гробы были опущены в землю в Петропавловском соборе.

государю, всегда со вздыханием, со излиянием слез изрекают: помяни, господи, государя нашего! Отнял все наше убогое имение, пустил в нищенском образе, все питаемся травой и сол[ь] купим ис казны государевой. Не знаем, когда будет конец правежам нашим, з голоду и с холоду з женами и з детьми помираем» (л. 24/9). В конце письма автор обращается к императрице с призывом утвердить на Руси святую веру, для чего следует вернуть патриарший престол и изгнать из державы немцев. В противном случае автор предрекает скорый гнев Божий: междоусобные брани, глады и пагубы в наказание за общение с еретиками. На этой грозной ноте грядущего возмездия и заканчивается послание к императрице.

Перед нами встаёт закономерный вопрос об определении возможного автора этого незаурядного сочинения и обстоятельств его создания. Судя по тексту и слогу этого произведения, его составитель принадлежал к образованной части русского общества, близкой к духовенству. Он свободно владеет текстами Священного Писания, постоянно цитирует И. Златоуста и Е. Сирина, правила Вселенских и поместных соборов, имеет познания в церковной истории и догматике, хорошо осведомлён и в проблемах современной церкви. Он сам человек книжный, и даже литературно одарённый, текст письма выдаёт в нём незаурядного публициста и поэта, прекрасно владеющего выразительными возможностями церковно-славянского языка. Однако интересы автора не замыкаются кругом церковной проблематики: во второй части письма он затрагивает широкий спектр вопросов социально-экономического характера. Не исключено также, что автор вращался и в высшем придворном кругу, так как он упоминает о некоторых случаях браков высшей знати с иностранцами.

Письмо выдаёт в авторе духовного единомышленника Стефана Яворского и Маркелла Радышевского, о которых он отзывается с похвалой за то, что они не побоялись открыто обличить ересь Феофана Прокоповича. Не случайно, что на полях рукописи против фамилии Радышевский имеется приписка рукою Феофана: «От сего знать, что автор сообщник Радышевского» (л. 23 об./8). Многие идеи и детали, упоминаемые в письме, указывают на то, что оно могло появиться в кругу лиц, близких к Маркеллу Радышевскому, главному разоблачителю Феофана. Именно вокруг Радышевского, бывшего архимандрита новгородского Юрьева монастыря, а в то время узника московского Симонова монастыря, сложилась в начале 1730-х гг. наиболее активная оппозиционная партия консерваторов — ревнителей чистоты православия, мечтавших о возвращении к «дедовским и отеческим законам» допетровской Руси, о восстановлении патриаршества и оппозиционно настроенных по отношению к Синоду, к проникнутым лютеранским духом представителям духовенства. Именно кружок Радышевского в начале 1730-х гг., продолжая дело своего идейного учителя Стефана Яворского, ставил целью планомерное разоблачение еретических взглядов и писаний Феофана. Так, ещё в декабре 1727 г. Радышевский подал на имя Петра II записку «О повреждении веры христианския», в которой писал, что «повреждение веры христианской учинено от новгородского архиерея Феофана и от протчих ево согласников: резанского архиерея Гавриила и от архимандрита Феофила Крулика, также и от бывшего архиерея Феодоса» [9, ч. 9, л. 620–621]. По указу от 28 марта 1729 г. Маркелл Радышевский находился

под домашним арестом в московском Симоновом монастыре, где написал три обширных богословско-полемиических труда с критикой сочинений Феофана.

В подметном письме 1732 г. нашли отражение многие идеи Радышевского, что свидетельствует о том, что оно было написано кем-то из ближайшего окружения старца. Как нам представляется, письмо не принадлежало перу самого Маркелла: он достаточно подробно высказал свою позицию по важнейшим проблемам церкви в своих обширных богословских трактатах, подписанных его именем, и не чувствовал потребности в составлении каких-то новых анонимных писем агитационного характера. В этом, как нам кажется, был более заинтересован ближайший соратник Маркелла, его горячий защитник, единомышленник и почитатель, арестованный одновременно с Радышевским 5 марта 1731 г., бывший директор петербургской типографии М. П. Аврамов.

Основные сведения о жизни Михаила Петровича Аврамова (1681 – 24 авг. 1752) известны из его собственной автобиографии, которая хранится в следственном деле Аврамова [4, ч. 3]. Эта автобиография подробно цитировалась в трудах П. П. Пекарского [11, с. 498–514] и И. А. Чистовича [17, с. 260–270, 297–301, 307–309]. Сын священника, Михаил Аврамов [см. о нём также: 1; 7, с. 243–253; 8; 14; 15; 18] начал свою службу уже с 10 лет, когда был зачислен подьячим в Посольский приказ. В 1699 г. он вошёл в состав посольства А. А. Матвеева в Гааге, в 1699–1702 гг. обучался типографским наукам в Амстердаме и был секретарём русского посла в Голландии. В 1711 г. ему было поручено организовать Петербургскую правительственную типографию, цейх-директором которой он и был назначен. Он возглавлял типографию до самого её закрытия в 1727 г. Аврамов был одним из образованнейших людей своего времени: знал латинский и польский языки, обладал поэтическим даром. В 1712 г. были изданы написанные Аврамовым приветственные стихи Петру I после окончания Прутского похода [7, с. 270]. Аврамов редактировал петровские «Ведомости», был инициатором издания «Книги Марсовой» (1713), а также первой истории царствования Петра I (не сохранилась). Сочинения позднего Аврамова свидетельствуют также о его незаурядной богословской образованности. В 1727 г., в связи с учреждением типографий при Сенате и Академии, петербургская типография была упразднена. Ещё с 1720-х гг. Аврамов начал подавать правительству свои мнения и экономические проекты. Известно, что он подавал подобные проекты Петру I, Петру II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне. Аврамов входил в круг высшей придворной знати петровского времени, устраивал в своём доме званые обеды и приглашал на них царя [17, с. 260–270]. Он хорошо знал и Феодосия Яновского, и Феофана Прокоповича, и других крупнейших церковных иерархов того времени. Из автобиографии Аврамова известно, что ещё при жизни Петра I Аврамов имел столкновения с иконоборцем Феодосием Яновским и вёл борьбу с «законопреступниками» «Феофаном, Гаврилой» и «ересиархом Феодосом»⁵. Так, когда новгородский архиепископ Феодосий присвоил себе, ради драгоценного оклада, чудотворную икону Казанской Божией Матери из приходской церкви Аврамова,

⁵ Так он называл их в своём позднем полемиическом труде 1749 г.

Аврамов подал челобитную Петру I с обличением еретиков-иконоборцев Феодосия, Феофана и Гавриила [4, ч. 4, л. 219–220].

Примерно к 1716–1717 гг. относится внезапный духовный перелом в жизни этого знатного петровского вельможи, произошедший после некоего мистического видения от образа Знамения Божией Матери, что описано в его автобиографии. Он глубоко раскаивается в своём греховном прошлом, отказывается от застолий и вина, тайно носит под одеждой власяницу и решает вовсе «оставить мир и всю его суету». Впоследствии, в 1732 г., в ссылке в Иверском монастыре Аврамов принимает монашество.

Вскоре после восшествия на престол Анны Иоанновны Аврамов подаёт и на её имя записку «О должности, как Ея Императорскому Величеству управлять христианск(ую) Боговрученную Ея Величеству империю» [4, ч. 10, л. 254]⁶. В ней Аврамов, в частности, предлагал восстановить патриаршество. Он писал, что «потребно быть в России паки святейшему патриарху, самому благоговейному мужу, не от польских и малороссийских людей, с которым, за оное крайнее вашего величества христианское смирение, без сомнения все дела во имя Христово, исправите наилучше...». Аврамов считал также, что государю следовало советоваться во всех важных государственных делах с патриархом [4, ч. 1, л. 10–10 об., 268 об.].

В начале 1730-х гг. в Симоновом монастыре вокруг опального Радышевского и на московском подворье Троице-Сергиева монастыря у архимандрита Варлаама Высоцкого (духовника императрицы Анны Иоанновны) образовался неформальный круг ревнителей православного благочестия, оппозиционно настроенных против партии Феофана и его единомышленников. Из следственного дела Маркелла явствует, что его посещали бывший директор Петербургской типографии Михаил Аврамов, иеродиакон Троицкого монастыря и келейник архимандрита Варлаама Иона, бывали архимандрит Ипатьевского монастыря Платон Малиновский, смоленский епископ Гедеон Вишневский, директор Синодальной типографии Алексей Барсов и другие. Михаил Аврамов принял особенное участие в судьбе Радышевского, которого считал страдальцем за веру. На архимандрита Варлаама, давнего недруга Прокоповича, возлагались особые надежды как на лицо, близкое к императрице: через него Аврамов надеялся добиться освобождения Маркелла из-под стражи, и поэтому он передавал ему сочинения Радышевского против Феофана.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. 5 марта 1731 г. Радышевский и Аврамов, вслед за иеродиакonom Ионой, по доносу Варлаама были арестованы и подвергнуты допросам в Тайной канцелярии. Пока шло следствие, Аврамов не всё время содержался в Тайной канцелярии, но был отпущен на квартиру и там дожидался решения суда, причём даже получил разрешение выходить из дома, чтобы причащаться в Петровский и Успенский пост. Приговор обоим арестованным был оглашён 6 января 1732 г.: Радышевский обвинялся в том, что «доносил <...> на Феофана архиепископа Новгородского во многих противностях церкви, на что никакого иного доказательства, кроме своей персоны не представлял, <...>

⁶ Текст проекта 28 апреля 1730 г. [4, ч. 1, л. 8–22].

“Регламент духовный”, изволением блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого <...> учиненный <...> дерзнул развратно и противно толковать, <...> счисляя якобы от одного Феофана архиепископа сочинены». Аврамов же обвинялся в том, что «те книги с Родышевским читал и разсуждал, почитая их за полезные к защищению церкви, и старался о представлении оных ея императорскому величеству, якобы по благочестии ревнуя... И тако всеми оными делами, противно присяги своей, дерзнули мир и тишину церковную вредить, злым своим разсеением самодержавную ея императорского величества честь поносить...» [9, ч. 10, л. 249–250; 17, с. 332–334]. Родышевский был приговорён к ссылке в Кирилло-Белозерский, а Аврамов — в Иверский монастырь. По этому же делу к следствию было привлечено множество лиц, участвовавших в чтении, переписке и распространении «Жития Феофана Прокоповича» и «тетрадей о монашестве», сочинённых Родышевским. Приговор Родышевскому и Аврамову был оглашён 6 января 1732 г., а уже с февраля 1732 г. Аврамов находился в заключении в Иверском монастыре, а Родышевский — в Кирилло-Белозерском.

Осенью 1732 г., в связи со следствием о вновь появившемся подметном письме, Аврамов был вновь этапирован в Петербург, и 6 ноября состоялся его допрос кабинет-министрами и А. И. Ушаковым⁷. Следствие выявило серьёзные нарушения правил в содержании арестанта: через монастырского служителя, караульного Щапа Аврамов доставал чернила и бумагу и писал письма к родным и своим влиятельным покровителям с просьбой о ходатайстве за него перед императрицей. Иметь чернила и бумагу и писать письма политическим узникам было строжайше запрещено особым пунктом приговора. Но в главном — в авторстве подметного письма — Аврамову удалось отвести от себя подозрения министров и Феофана, и в дальнейшем к следствию по делу о подметном письме Феофаном были привлечены совсем другие лица (Александр Яковлев, Иосиф Решилов и др.).

Дело Аврамова тем не менее не было закрыто. Лишь в 1738 г. в Тайной канцелярии состоялся окончательный приговор Аврамову, которому вменяли в вину, что он о своём деле смел своему духовнику «предерзостно провозглашать» (т. е. раскрывал тайну следствия) и в нарушение правил посылал письма родным и знакомым. За эти вины он был отправлен в Охотский острог, а в 1740 г. по доносу Скорнякова-Писарева этапирован ещё дальше, в Якутск. Лишь в марте 1741 г. Аврамов, в связи с амнистией, был освобождён и возвращён в Петербург.

Через несколько лет после возвращения из ссылки Аврамов написал новый обширный трактат богословского и социально-экономического содержания, в котором он давал советы императрице Елизавете Петровне относительно различных сторон управления и царствования. Так называемая «Челобитная» Михаила Аврамова к императрице Елизавете Петровне, датированная 21 ноября 1749 г., сохранившаяся в архиве Тайной канцелярии, представляет собой компилятивный труд, включающий в себя автобиографию Аврамова, относящуюся к периоду его деятельности в петровскую эпоху, с элементами покаянной исповеди и описанием его религи-

⁷ Подробности иверского следствия см.: [17, с. 412–415, 456–457].

озных видений, обширные богословские рассуждения с обильными выписками из Священного Писания и отцов церкви, полемические выступления против еретиков и критику Духовного Регламента, а также изложение его предложений и проектов социально-экономического характера [4, ч. 3, 4]. За эти сочинения и проекты, поданные императрице Елизавете Петровне, Аврамов вновь был привлечён к следствию в Тайной канцелярии, где провёл более трёх лет (1749–1752) и где скончался в 1752 г., не дождавшись приговора.

Хранящийся ныне в РГАДА текст «Челобитной» императрице Елизавете Петровне даёт хорошее представление об оригинальном стиле, манере повествования, особенностях изложения и любимых мотивах Аврамова. Стиль Аврамова необыкновенно характерен; его отличительные особенности — это высокий, витийственный (местами даже ораторский) тон изложения, язык, насыщенный церковнославянизмами и библейскими цитатами, обильное цитирование «Маргарита» Иоанна Златоустого и поучений Ефрема Сирина, сочетание патетики с резко сатирико-обличительным пафосом, направленным против современных еретиков — «феофанистов». В «Челобитной» обличаются «законопреступники» «Феофан, Гаврила» и «ересиарх Феодос» и показываются пагубные последствия учреждения Синода. Автор «Подметного письма» также выступал против священников — малороссов, «пришедших к нам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы и грабители, яко Феодосий, Гавриил⁸ и ненавистный Кролик⁹, горший же над всеми Феофан Прокопович» (л. 21/4), критиковал различные нововведения Священного Синода.

В назидательных поучениях и советах анонима, адресованных к императрице Анне (второе письмо), с большой долей вероятности можно распознать автора проектов, записок и челобитных Анне Иоанновне и другим царям, которые Аврамов подавал всем правителям, начиная с Петра I. Кстати, в этих проектах не раз поднималась тема народной бедности и предлагались различные способы улучшения благосостояния народа. Так, например, в своём проекте «Об умножении мелкой медной монеты» (ок. 1727 г.) Аврамов с сочувствием писал о нищете и бедствиях народа в тех же выражениях, что и автор подметного письма: «Ныне от крайних недостатков бедные люди из доимок и правейшей выттить не могут и в сущей нищете гладом тают, и от крайней скудости многие бедства терпят, как поселяне, так и граждане...» [13, с. 305]¹⁰ (ср. в «Письме»: «Отнял все наше убогое имение, пустил в нищенском образе... Не знаем, когда будет конец правежам нашим, з голоду и с холоду з женами и з детми помираем» — «Подметное письмо», л. 24/9).

Обоих авторов сближает мистическая интерпретация исторических событий. Например, в своей Автобиографии Аврамов утверждает, что с момента учреждения Синода в 1721 г., во время благодарственного молебна в Троицком соборе Пётр I якобы «повредился в своем здравии», что было явственно открыто духовным

⁸ Гавриил Бужинский (1680–1731), с 1726 г. — епископ Рязанский и Муромский, церковный деятель, писатель и переводчик, единомышленник Феофана Прокоповича.

⁹ Феофил Кролик (+ 1732) — архимандрит Новоспасского монастыря, писатель, переводчик и общественный деятель, единомышленник Феофана Прокоповича.

¹⁰ О принадлежности этого проекта М. Аврамову см.: [3, с. 779–783].

очам мемуариста, присутствовавшего на церемонии. Это событие и повлекло, по его мнению, преждевременную смерть царя. Во второй части подметного письма анонимный автор пишет о принятии царём нечестивого титула «императора» (вместо священного титула «царя») в 1722 г., что, по его мнению, также роковым образом отразилось на дальнейшей судьбе Петра I.

Как уже отмечалось, оба сочинения необыкновенно близки стилистически. Так, например, характерной языковой чертой обоих сочинений является частое употребление сложносоставных слов церковнославянского происхождения и образованных по их модели неологизмов: многобедная, богоненавистный, диавологлагольник, ношедневно, путеведущие, небошественник, слезоточный (Письмо) — многотруженный, чистосовестный, сластолюбный, славолубный, подвигоположник, злоковарный, законопреступницы (Челобитная).

Характерной чертой обоих документов являются риторические восклицания и вопрошания, прямые обращения к читателю или к обличаемым еретикам, ср.:

О, колико червия сей богоненавистный Феофан наступник в законы наши напасвал... (Письмо, л. 20/1);

Колико смышлен проклятой обманщик, под каким покрывалом чрез своих учеников еретиков ко уловлению хитр и тщателен прелестник... (Челобитная, л. 258).

Оле слепоты пребезумныя, Оле ереси своевольныя... (Письмо, л. 21/3);

Оле тончайшей сатанинской злоковарной прелести... (Челобитная, л. 242).

Зрите, суеверныи феоносиане, внушите глаголемым, безмозгии феофанис-ты... (Письмо, л. 21/3);

Слышите, все православные христиане, от каковаго корене паче родятся грехи? (Челобитная, л. 228);

Что противу сего речете, господие мои, кто вас в архиереи избирает и благословляет <...>? (Письмо, л. 21/3);

Вы же на которые ереси собраны, рцыте ми <...>? (Письмо, л. 21 об./4);

Скажите здесь, противницы, под совестью, аще тую имате, то ли есть ближайшее спасение? (Челобитная, л. 231 об.);

Скажите, законопреступницы, откуда вам сицевые дела и смелость...? (Челобитная, л. 228 об.).

На мысль об авторстве Аврамова наводит также анализ помещённых в начале подметного письма стихов:

О мно(го)бедная Росия, плачися, рыдай горко,
Царя и патриарха не имеешь времени колко.
Церковь твоя матка обладаема еретиками,
Велящих входить в ню с табаком, покрывся паруками.

Ю. М. Лотман в «Беседах о русской культуре» опубликовал небольшой отрывок из ранних стихов Аврамова — из очень редкого издания, возможно даже существующего в единственном экземпляре [7, с. 270]. Это были приветственные стихи Петру I, напечатанные Аврамовым в своей типографии и поднесённые царю в 1712 г. в честь окончания Прутского похода. Они представляли собой рифмованное сочинение из 48 стихов, написанное в стиле «раешника». Приведём несколько строк из этого стихотворения:

Слава богу, обогатившему великую Россию,
Ему же хвала посетившему славную Ингрию.
Еже в России положи сокровища драгая,
Во Ингрии открыл стези своя благая...

Торжествуй, торжествуй, торжествуй, Россия,
Воспой, Веселися, Ликовствуй и славная Ингрия.
Яко даровася нам Монархо великий,
России и Ингрии расширитель толикий¹¹.

И в подметном письме, и в приветственных стихах Петру мы видим использование примерно одинаковых 13-15-16-сложных стихов с парной женской рифмовкой, напоминающих раешный стих. В виде раешного стиха были записаны и 10 антизаповедей подметного письма. Нетрудно заметить и определённую идейную переключку этих стихотворений, построенных по контрасту друг к другу. Если в панегирике 1712 г. воспевается Россия, прославленная подвигами великого монарха, то в стихах 1732 г. звучит плач о той России, которая лишилась одновременно и царя, и патриарха.

Все перечисленные выше содержательные и стилистические параллели между «Подметным письмом», с одной стороны, и «Челобитной» и другими произведениями М. Аврамова, с другой, позволяют предполагать у них общего автора.

Когда же именно могло быть написано подметное письмо? В первой его части автор с неодобрением упоминает резонансное обручение единственной дочери князя Черкасского Варвары с обер-гофмаршалом графом Левенвольдом, инициатором которого была императрица Анна. Это событие произошло в ноябре 1730 г. Значит, письмо не могло быть написано ранее этой даты. Однако более вероятной представляется датировка его 1731 г. В конце первой части письма, когда автор обращается к единомышленникам с призывом пострадать за святую веру и отеческие законы, у него заходит речь о ожидаемом суде сенаторов и воображаемом диалоге с ними: «Егда же изведени будем на суд пред мучителей [то есть пред сенаторов], глаголющих нама: “Вы ли развращаете Росию?”», тогда со дерзновением отвещати будем словесы Илии ревнителя: “Не развращаем мы, но вы и дома ваша, внегда остависте законы отеческия и вслед Лютора пойдосте”» (л. 23/7). Автор моделирует

¹¹ Полный текст стихотворного приветствия опубликован в изд.: [10, с. 125–126].

воображаемый диалог с мучителями: «...тогда с дерзновением отвечаю будем... Паки рекут нам: <...> Отвечаю <...> Еще рекут нам... Отвечаю: <...> А яко они будут у нас вопрошати, но Бог всемогий силен есть дати время и нам у них вопросити сице...». Это место может указывать на то, что письмо могло быть написано в Москве, в самом начале следствия над Аврамовым и Радышевским, т. е. вскоре после их ареста 5 марта 1731 г., когда Аврамов готовился предстать перед судом сенаторов и обдумывал, что скажет на суде. В это время он и мог записать свой воображаемый диалог с «мучителями». Об этом также может свидетельствовать и другое место письма: «Аще Бог повелит, *объявим публично* при исповедании веры нашея. За тую святую мученицы кровь свою излиша, и *если сподобит Господь Бог и нас законно венчаться*» (л. 22 об./6, выделено мною. — О. К.). Автор явно готовится совершить свой главный жизненный и общественный подвиг — подвиг исповедничества, готовится принять страдание за исповедание своей веры.

Тональность второй части письма, обращённой к императрице, совершенно иная. Характерно, что в ней практически нет цитат из Златоуста и Ефрема, постановлений Вселенских соборов. Тон повествования гораздо более спокойный и объективный, автор уделяет основное внимание хозяйственным и экономическим вопросам (подати и налоги, правежи, обнищание народа, неурожай, засухи и т.д.). Это косвенно указывает на то, что эта часть могла быть написана Аврамовым уже позднее, в ссылке. Одно место этого второго письма содержит указание на его датировку. Автор пишет: «Во дни царствования вашего хлебные восстали недороды, а имянно, в 730, от бездождия и великого жару згорели. В 731 не токмо хлеба, но и травы не выросли... И на *нынешнее лето* (выделено нами. — О. К.) планеты показывают некоторые вреды» (л. 25/11). Эта обмолвка свидетельствует о том, что текст его создавался, скорее всего, весной 1732 г. Если учесть, что примерно в июле того же года письмо было найдено в вестибюле царского дворца в Петербурге, то можно считать, что дошло оно до адресата довольно быстро. Однако все обстоятельства написания этого письма: и то, кем оно переписывалось, и как могло из Иверского монастыря быть доставлено в Петербург — остаются невыясненными. Самое тщательное расследование подробностей пребывания Аврамова в Иверском монастыре, предпринятое Феофаном, не принесло никаких серьёзных результатов.

Судьба Михаила Аврамова, одного из «птенцов гнезда Петрова», показывает, как неоднозначно было отношение к петровским реформам даже в стане бывших друзей и сподвижников царя, деятелей эпохи просвещения. В конфликте старого и нового в умах мыслящей части русского общества консервативные ценности, приверженность отеческим преданиям нередко брали верх над идеями западного просвещения. Михаил Аврамов — один из наиболее ярких подобных примеров. Вместе с тем неверно было бы рассматривать Радышевского и Аврамова как представителей отжившей свой век партии староверов, маргиналов-одиночек. Как показало расследование Тайной канцелярии, популярность тетрадей Радышевского, а значит, и содержащихся в них идей, в церковной и околоцерковной среде была необыкновенно велика: их активно переписывали, передавали из рук в руки, рассылали по монастырям. В этих тетрадях звучала совершенно другая, отличная от официаль-

ной, оценка синодальных реформ и церковной политики петровского времени. Подметное письмо 1732 г. было ещё шире по своей проблематике. Оно ставило острые социальные проблемы времени: вопрос цены петровских преобразований, проблему невиданного обнищания народа, тему глухоты верховной власти и правящего класса к страданиям народа, наконец, тему иностранного засилья в России в эпоху бироновщины. Впервые отчётливо была сформулирована мысль об ответственности монарха перед своим народом. Всё это позволяет утверждать, что по разнообразию и по остроте поставленных в нём проблем, а также по силе отразившегося в нём патриотического чувства анонимное письмо 1732 г. можно отнести к числу выдающихся памятников русской публицистики первой половины XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеев А. И.* Аврамов Михаил Петрович // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научн. центр «Православная энцикл.», 2000. Т. 1: А-Алексей Студит. С. 181–182.
- 2 *Андросов С. О.* Живописец Иван Никитин. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 206 с.
- 3 *Брикнер А. Г.* О некоторых сочинениях, приписываемых Посошкову // Русский вестник. 1874. Т. 112, № 8. С. 779–826.
- 4 Дело о статском советнике Михаиле Аврамове, возвращенном из ссылки и потом вновь сужденном за представление императрице Елизавете проектов о гражданском и духовном управлениях // РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 770. Ч. 1–13.
- 5 Донесения и другая бумага английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 года по 1733 год // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1889. Т. 66. С. 523–525 (оригинал на англ. языке).
- 6 «Известное подметное письмо» // РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Д. 17. Л. 20/1–25/11.
- 7 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ., 1994. 398 с.
- 8 *Моисеева Г. Н.* Аврамов Михаил Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. Вып. 1 (А-И). С. 20.
- 9 Об архимандрите Маркеле Родышевском, обвинявшем Феофана Прокоповича в неправославии, о переводе книги патера Рибейры, о противниках Прокоповича... // РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 221. Ч. 1–10.
- 10 Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л.: АН СССР, 1955. 627 с.
- 11 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1862. Т. I. 578 с.
- 12 Полное собрание законов российской империи с 1649 г. [СПб.]: Тип. 2 Отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. VIII, № 6159. С. 900.
- 13 *Посошков И. Т.* Сочинения Ивана Посошкова, изд. ... Михаилом Погодиным. М.: Тип. Н. Степанова, 1863. Ч. 2. С. 275–314.
- 14 *Пытин А. Н.* История русской литературы. Изд. 3-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. С. 354–359.
- 15 *Серов Д. О.* Строители империи. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996. С. 69–98.

- 16 *Чистович И. А.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб.: Тип. духов. журн. «Странник», 1861. 64, 31 с.
- 17 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1868. 762 с.
- 18 *Шишкин И.* Михаил Аврамов, один из противников реформы Петра Великого // Невский сборник / Изд. Вл. Курочкина. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1867. Т. 1. С. 375–429.

* * *

Krashennnikova Olga Alexandrovna,

PhD in Philology,

*Institute of World Literature, Russian Academy of Science,
Povarskaya str., 25A, 121069 Moscow, Russian Federation*

E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

THE ANONYMOUS LETTER (PODMETNOYE PISMO) DATED BY 1732 AS AN OUTSTANDING RECORD OF RUSSIAN PUBLICISM OF THE 18TH CENTURY

Abstract: «Podmetnoe pismo (an anonymous letter) dated by 1732» is an anonymous tract, written at the time of the beginning of Anna Ioanovna rule, criticizing the Holy Sinod church policy and foreigners dominant influence in the supreme power. In order to find the author of this writing the Secret chancellery carried out an investigation during 1732–1738 that was later named «Reshilov's case». The details of the investigation were studied by I. A. Chistovich in the 19th century in the archives, however the genuine text of the anonymous letter was considered to be lost. The copy of the letter was discovered at the present day by St. Petersburg fine art expert S. O. Androsov though the author of the writing remained unknown. The study of the text of «Podmetnoe pismo» and its political program proves that it was written by someone from the social circle of Markell Radyshevsky, the main critic and opponent of Theophan Prokopovich in the beginning of 1730s. In our opinion, the most probable author is an associate of Peter I, the former head of the printing-house of St. Petersburg and a political prisoner during Anna Ioannovna's rule, Mikhail Petrovich Avramov (1681–1752). The comparative analysis showed the undoubted stylistical and substantive similarity between «Podmetnoe pismo» and the so-called «Chelobitnaya (plea) to Elizaveta Petrovna» dated by 1749 and some other Avramov's writings. «Podmetnoe pismo dated by 1732» is to be recognized as an outstanding record of Russian publicism and one of the most interesting sources of the study of ideological struggle of the epoch of Anna Ioannovna rule.

Keywords: Podmetnoe pismo dated by 1732, Reshilov's case, Mikhail Avramov, Markell Radyshevskiy, Theophan Prokopovich, Anna Ioannovna.

REFERENCES

- 1 Alekseyev A. I. Avramov Mikhail Petrovich [Avramov Mikhail Petrovich]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchn. Tsentr "Pravoslavnaya entsikl." Publ., 2000, vol. 1: A-Aleksei Studit, pp. 181–182.
- 2 Androsov S.O. *Zhivopisets Ivan Nikitin* [Ivan Nikitin the Painter]. St. Petersburg, «Dmitriy Bulanin» Publ., 1998. 206 p.
- 3 Brikner A.G. O nekotorykh sochineniyakh, pripisyvaemykh Pososhkovu [On some works ascribed to Pososhkov]. *Russkiy vestnik* [Russian newsletter], 1874, vol. 112, no 8, pp. 779–826.
- 4 Delo o statskom sovetnike Mikhaile Avramove, vozvrashchennom iz ssylki i potom vnov' suzhdennom za predostavleniye imperatritse Elisavete proyektov o grazhdanskom i dukhovnom upravleniyakh [Case of State Councilor Mikhail Avramov returned from exile and then again convicted for the submission of his projects of state and church management to Elizabeth the Empress]. *Rossiiskiy Gosudarstvennyi Arkhiv drevnikh Aktov* [Russian State Archive of ancient Acts], f. VII, op. I, no 770, parts 1–13 (In Russian, unpublished).
- 5 Doneseniya i drugiye bumagi angliyskikh poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s 1728 goda po 1733 god [Reports and other papers of English ambassadors, envoys and residents at Russian Court from 1728 till 1733]. *Zbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [The Russian Imperial Historical Society Collection]. St. Petersburg, 1889, vol. 66, pp. 523–535 (In English).
- 6 «Izvestnoye podmetnoye pismo» («The Famous Anonymous Letter»). *Rossiiskiy gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive], f. 468, op. 39, no 17, pp. 20/1–25/11 (In Russian, unpublished).
- 7 Lotman Y. M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Lectures on Russian Culture: Household and Traditions of Russian nobility (XVIII – the beginning of the XIXth century)]. St. Petersburg, Iskustvo-St. Petersburg Publ., 1994. 398 p.
- 8 Moiseeva G. N. Avramov Mikhail Petrovich [Avramov Mikhail Petrovich]. *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. Leningrad, Nauka, Leningrad otdeleniye Publ., 1988, vol. 1 (A-I), p. 20.
- 9 Ob arkhimandrite Markele Rodyshevskom obvinyavshem Feofana Prokopovicha v nepravoslavii, o perevode knigi patera Ribeiry, o protivnikakh Prokopovicha... [About Archimandrite Markel Rodyshevskiy, who accused Theophan Prokopovich of non-orthodoxy, about the father Ribera's book translation, about the opponents of Prokopovich...]. *Rossiiskiy Gosudarstvennyi Arkhiv drevnikh Aktov* [Russian State Archive of ancient Acts], f. VII, op. 1, no 221, parts 1–10 (In Russian, unpublished).
- 10 *Opisaniye izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 – yanvar' 1725* [Description of the issues of civil publications. 1708 – January 1725], comp. T. A. Bykova i M. M. Gurevich. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk SSSR Publ., 1955. 627 p.
- 11 Pekarskiy P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia at the time of Peter the Great]. St. Petersburg, T-vo «Obshchestvennaya pol'za» [Social benefit society] Publ., 1862. Vol. 1. 578 p.
- 12 *Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoi imperii s 1649 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649], [St. Petersburg]: 2 Otdeleniya Sobstv. e. i. v. kantselarii Publ., 1830, vol. VIII, no 6159, p. 900.

-
- 13 Pososhkov I. T. *Sochineniya Ivana Pososhkova, izd. ... Mikhailom Pogodinym* [Ivan Pososhkov's writings published ... by Mikhail Pogodin]. Moscow, N. Stepanov Publ., 1863, part 2, pp. 275–314.
 - 14 Pypin A. N. *Istoria russkoi literatury* [History of Russian Literature]. Izd. 3. St. Petersburg, M. M. Stasulevich Publ., 1907, vol. 3, p. 354–359.
 - 15 Serov D. O. *Stroiteli imperii* [Constructors of the Empire]. Novosibirsk, Novosib. Univ. Publ., 1996, pp. 69–98.
 - 16 Chistovich I. A. *Reshilovskoye delo: Feofan Prokopovich i Feofilakt Lopatinskiy: Materialy dlya istorii pervoy poloviny XVIII stoletiya* [Reshilov's case: Theophan Prokopovich and Theophilakt Lopatinskiy: Materials for the History of the first half of the XVIIIth century]. St. Petersburg, duhovn. zhurn. «Strannik» Publ., 1861. 64, 31 p.
 - 17 Chistovich I. A. *Feofan Prokopovich i yego vremya* [Theophan Prokopovich and his time]. St. Petersburg, Imp. Akademia Nauk Publ., 1868. 762 p.
 - 18 Shishkin I. Mikhail Avramov, odin iz protivnikov reformy Petra Velikogo [Mikhail Avramov, one of Peter's the Great reforms' opponents]. *Nevskiy sbornik* [Nevskiy collection], izd. VI. Kurochkin. St. Petersburg, K. Wulf Publ., 1867, vol. 1, pp. 375–429.